
**ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ, ЯЗЫКОВ РОССИИ
И ЯЗЫКОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА**

**PROBLEMS OF RUSSIAN STUDIES,
LANGUAGES OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND LANGUAGES OF THE EURASIAN LANGUAGE SPACE**

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 7—16.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(7(465):7-16. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 811.161.1'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10701

**БЕЗОЦЕНОЧНАЯ ЭКСПРЕССИЯ И НЕЭКСПРЕССИВНАЯ
ОЦЕНОЧНОСТЬ: ПОПЫТКА ВЫЖИВАНИЯ В МЕДИАТЕКСТЕ**

Евгения Наумовна Басовская¹, Татьяна Александровна Воронцова²

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, jeni_ba@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6867-9326>

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, voron500@yandex.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7370-8809>

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования в современном газетном тексте русских лексем особого типа — лишенных экспрессивного компонента названий качеств и неэмоциональных экспрессивных прилагательных. На материале текстов, опубликованных в 2021—2022 гг. в различных с точки зрения идеологической направленности и стилистики изданиях: «Российская газета», «Завтра», «Новая газета», — авторы демонстрируют различные лингвопрагматические возможности указанных лексических групп. Неэкспрессивные эмотивы и неэмоциональные экспрессивы способны сохранять в речи свои языковые свойства и содействовать таким образом объективному, сдержанному тону повествования, максимально востребованному в новостной журналистике. В эмоционально насыщенной авторской публицистике названные прилагательные подвергаются воздействию микроконтекста, что приводит к коннотативнымращениям и трансформации «холодных» определений в выразительные средства эмфатической речи. Такое разнообразие возможностей обеспечивает относительно невысокую, но стабильную востребованность данных типов слов современным медиатекстом.

Ключевые слова: эмоциональность, оценочность, экспрессивность, прагматика словоупотребления

Для цитирования: Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Безоценочная экспрессия и неэкспрессивная оценочность: попытка выживания в медиатексте // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 7—16. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10701.

Original article

**UNBIASED EXPRESSION AND NON-EXPRESSIVE EVALUATION:
AN ATTEMPT TO SURVIVE IN MEDIA-TEXT**

Evgenia N. Basovskaya¹, Tatyana A. Vorontsova²

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, jeni_ba@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6867-9326>

²Chelyabinsk State University Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia, voron500@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7370-8809>

Abstract. The article is about a special type of lexemes functioning in modern newspaper text: qualitative adjectives without an expressive component and unemotive expressive adjectives. The authors demonstrate various language and pragmatic abilities of the mentioned lexical groups on the material of the texts published in 2021—2022 in different from the ideological point of view newspapers, such as Rossiyskaya Gazeta, Zavtra, Novaya Gazeta. Non-expressive emotives and non-emotive expressives can preserve their language peculiarities in speech and in this way can attribute to the narration objective reserved tone which is of maximum demand in modern journalism. In emotional individual journalism the above-mentioned adjectives undergo the influence of micro-context which leads to connotative additions and transformations of neutral, “cold” attributes into expressive means of emphatic speech. Such a variety of possibilities provides a relatively small but stable demand of the given types of words by the modern media-text.

Keywords: emotiveness, evaluation, expressiveness, pragmatics of word usage

For citation: Basovskaya EN, Vorontsova TA. Unbiased expression and non-expressive evaluation: an attempt to survive in media-text. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465):7-16. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10701.

Введение

Изучение оценочной лексики имеет долгую историю в русской лексикологии, лексикографии и стилистике — от первых разрозненных наблюдений, сделанных в начале XX в. и относившихся к словам с уменьшительно-ласкательными суффиксами [9], до фундаментальных работ Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, В. Н. Телии, Т. А. Трипольской [1; 4; 17; 18] и новейших исследований [7; 10].

На протяжении всего периода рассмотрения различных аспектов формирования оценочной лексики, ее существования в языке и функционирования в речи специалисты периодически обращались к вопросу о разнице между тремя группами слов.

Первую составляет, по выражению Л. А. Булаховского, «органически эмоциональный речевой материал» [3. С. 56] — наименования эмоций и качеств (*гнев, любовь, добрый, злой, хороший, скучный* и др.), которые, как отмечает Н. Н. Никольский, «сами могут быть эмоционально нейтральны» [14. С. 24]. Лексемы, отражающие отношение к предмету и при этом лишённые экспрессии, можно обозначить как **номинативно-эмоциональные**.

От слов, описательно характеризующих отношение говорящего к обозначаемому объекту, принципиально отличаются номинативные единицы, обладающие коннотациями — «дополнительными элементами значения», экспрессивными, стилистическими и оценочными [6. С. 138]. Такая лексика образует в принятой нами классификации вторую и третью группы.

Ко второй относятся лексемы, у которых оценочность входит в состав понятийного ядра. В. А. Марьянчик называет их «**словами с включенным оценочным значением**» (*подхалим, злобствовать, бесшабашный*) [11. С. 102]. Уровень экспрессии таких лексических единиц значительно варьируется. По наблюдению Л. А. Булаховского,

относительно «холодные» оценочные слова нередко имеют в языке эмоционально-экспрессивные синонимы (например, *дерзкий* — *дерзновенный* — *нахальный*) [3. С. 55].

К третьей группе принадлежат лексемы, обладающие «**прикрепленным оценочным значением**» [11. С. 102]. Их оценочное поле определяется не столько понятийным ядром, сколько культурной и речевой традицией и относится к области стилистической окраски. Как справедливо замечает Е. Ф. Петрищева, обозначаемое явление не всегда «заслуживает» закрепившейся за его названием оценки [15. С. 39—41] (такова негативная коннотация существительных *теща, юнец* и некоторых других).

Если номинативно-эмоциональные единицы и слова с включенным оценочным значением представляют собой прежде всего факт языка и их оценочность в малой степени зависит от контекста, то позитивная или негативная коннотация может быть явлением речевым и определяться особенностями мировоззрения и вкуса конкретного носителя языка или социальной группы (так, слово *либерал* позитивно окрашено в текстах «Новой газеты» и негативно — в публикациях газеты «Завтра»).

Несколько меньшее внимание исследователей привлекает к себе условная четвертая группа — лексический пласт, состоящий из **экспрессивных единиц, не выражающих** вне контекста ни положительной, ни отрицательной **оценки**. Мы имеем в виду такие прилагательные, как *грандиозный, колоссальный* и им подобные, глаголы *мчатся, обожать* и др. Такого рода обозначения не могут быть признаны нейтральными, поскольку передают высокую интенсивность признаков и действий (обладают, как пишет Т. В. Матвеева, «семами интенсивности» [12. С. 15]). Оценочность в самих этих словах отсутствует и «присоединяется» к их значениям под влиянием контекста: *грандиозный*

успех — грандиозный провал, колоссальные достижения — колоссальные разрушения; он несся, не замечая преград, на помощь другу — куда ты так несешься?

Представленное разнообразие типов слов приводит нас к вопросу о том, каковы закономерности взаимодействия системных эмоциональных и экспрессивных свойств лексемы с условиями контекста. Для решения этой проблемы мы рассматриваем функционирование неэкспрессивных названий качеств, а также неэмоциональных экспрессивов в современном публицистическом тексте. Этот эмпирический материал мы считаем показательным, поскольку публицистике в соответствии с самой ее природой свойственна социальная оценочность [16. С. 313], для достижения которой журналисты активно используют различные языковые ресурсы.

Материалы и методы исследования

Источником исследования стали интернет-версии издания «Завтра», «Новой газеты» и «Российской газеты» за январь 2022 г. Выбор СМИ обусловлен их сопоставимостью (общественно-политические медиа с высокой периодичностью, затрагивающие актуальные темы, относящиеся к сфере внутренней и внешней политики, общественной жизни и культуры). При этом источники представляют три типа изданий: государственная «Российская газета» отражает преимущественно официальную точку зрения и придерживается объективного стиля изложения; оппозиционные «Новая газета» и «Завтра» — либеральное и имперско-националистическое издания — культивируют яркую авторскую публицистичность.

В ходе анализа методом сплошной выборки были вычленены микроконтексты, в которых функционируют неэкспрессивные обозначения оценки *хороший* и *плохой*, а также безоценочные экспрессивы *грандиозный* и *крошечный* (*крохотный*). С опорой на толковые словари русского языка изучалась стилистическая окраска компонентов ближайшего словесного окружения названных лексем и, соответственно, характеризовались эмоционально-экспрессивные приращения, отличающие их контекстуальный смысл от словарного значения.

Результаты исследования и их обсуждение

Поскольку число вхождений неэкспрессивных оценочных прилагательных *хороший* и *плохой* в материалах «Российской газеты» очень велико (более 600 за месяц), для рассмотрения были отобраны случаи функционирования данных слов в заголовках и лидах статей: шесть и восемь примеров

соответственно. Показательно, что слова *хороший* и *плохой* типичны для информационных материалов, в которых журналист не оценивает явления самостоятельно, а транслирует оценку, уже существующую в сознании других людей или общества в целом. Упоминаются *хорошая вирус-нейтрализация*, *хорошая форма*, *хорошая проходимость*, *хороший знак*, *хороший профиль безопасности*, *хорошие отношения с ребенком*; *плохая уборка снега*, *«плохой» холестерин* (два раза), *плохое настроение*, *плохие родители*, *плохая примета*, *плохая погода*. Обращает на себя внимание присутствие фразеологизированных конструкций (*хороший знак*, *плохая примета* и т. п.). Их использование подтверждает предположение об ослабленной, стертой оценочности слов, называющих эмоции.

Установлено, что определение *хороший* в текстах «Российской газеты» типично для описания медицинских препаратов и технических средств. В материале о спасении замерзающих людей в Иране с применением российских боевых машин не только качества БМП сдержанно оцениваются как *хорошие* — остальные позитивизмы тоже имеют клишированно-объективный характер: «В Иране традиционно высоко ценят нашу легкую бронетехнику» (Российская газета. Специальный проект «Русское оружие». 21.01.2022).

Прилагательное *плохой* в «Российской газете» используется, в частности, для критики работы коммунальных служб: «В Петербурге возбуждено 55 административных дел за *плохую уборку мусора и снега на улицах города*»; «В Краснодаре 110 управляющих компаний оштрафуют за *плохую уборку снега*... Из-за *плохой уборки снега* появилась и другая проблема — мусоровозы не смогли пробраться по сугробам к мусорным контейнерам, в результате своевременно не вывозились отходы» (Российская газета. 08.01.2022; 25.01.2022).

В микроконтекстах, включающих в себя определения *хороший* и *плохой*, отсутствует ярко экспрессивная лексика, поэтому коннотативных приращений фактически не происходит.

В «Новой газете» случаи использования прилагательных *хороший* и *плохой* единичны: 12 и 6 вхождений в январе 2022 г. Лексемы фигурируют только в текстах, не попадая в заголовки и лиды. Важно отметить, что количественно преобладает применение данных определений не в авторской речи, а в репликах интервьюируемых лиц и цитатах: «В районе Аэропорт, как рассказывает мундеп Анна Щербаченко, ее для беседы пригласил зампрефекта — Гаджимурад Изутдинов. “Сразу

после выборов он приглашал каждого на личный разговор, во время которого дипломатично пытался нас чем-то заинтересовать. Мне, например, предложил **хорошую работу**» (Новая газета. 12.01.2022); «У нас **хороший губернатор от плохого** отличается тем, что **хороший** может выбивать деньги у Москвы, а **плохой** не может (Дмитрий Алексеев — № 154 в рейтинге богатейших бизнесменов страны)» (Новая газета. 16.01.2022).

В отдельных случаях характеристика **хороший**, звучащая из уст персонажа, оценивается автором публикации иронически. Так, рассказывая о молодой мурманской чиновнице, допускающей на письме большое число ошибок, журналист добавляет: «Губернатор поступил как джентльмен, защитив юного министра от укусов журналистов: “Зато она очень, **очень хороший специалист!** Уж поверьте!”». Прилагательное **хороший** интерпретировано здесь как слово чужого словаря, показательный элемент чиновничьего дискурса. Это подчеркивается с помощью применения такого редкого в современной публицистике приема, как несобственно-прямая речь: «Сегодня пришла новость: Анна Головина (Восемь Ошибок) вернулась в правительство. Теперь она возглавляет министерство внутренней политики... Злые языки, правда, говорят, что должность эта временная, и прочат Анну в ректоры одного из местных вузов. **Хороший ведь специалист**, как сказано выше» (Новая газета. 24.01.2022).

В собственно журналистском тексте слово **хороший** выступает как единица с ослабленной оценочностью, контекстуально синонимичная определению *подходящий* (*хороший повод, хороший сценический партнер*).

Прилагательное **плохой** в некоторых материалах тоже отсылает к официальному стилю: «Как сообщили “Новой” в пресс-службе ведомства, специалисты смотрели, насколько хорошо очищены придомовые территории от снега и наледи. В результате по фактам **плохой уборки** Государственная жилищная инспекция возбудила 107 административных дел со штрафами на 9,23 млн рублей» (Новая газета. 18.01.2022).

В авторской журналистской речи определение **плохой**, как и **хороший**, лишено экспрессии (на это указывает и отсутствие других ярких эмфатических средств в ближайшем контексте) и подчеркивает объективный тон публикации: «Без поднятия культуры владения домашними животными и ответственного отношения к тем, кого мы приручили, новое поголовье разведется в очень короткие сроки. А убийство как способ решения социальной

проблемы — **плохой фундамент** для создания гуманного гражданского общества» (Новая газета. 25.01.2022).

Частотность лексем **хороший** и **плохой** в издании «Завтра» находится приблизительно на том же уровне, что и в «Новой газете»: 5 и 6 употреблений за месяц. Правда, прилагательное **хороший** дважды возникает в заголовках (статьи принадлежат одному и тому же автору): «**Человек хороший**», «**Хороший и очень добрый**» (Завтра. 08.01.2022; 25.01.2022). Уже сами по себе эти названия, в одном из которых использована инверсия, в другом — усилительное наречие, свидетельствуют об эмоциональной стилистике материалов.

В статьях газеты «Завтра» прилагательное **хороший** функционирует как оценочное средство, причем чаще всего оно помещено в экспрессивный контекст: «...*Осматривать какие-либо музеи или картинные галереи и нагонять там, среди экспонатов, на себя тоску, я не хотел; у меня было **слишком хорошее настроение**, чтобы портить его... Кроме того, стояла **роскошная осенняя благодатная пора**, теплая, солнечная, в которую город был по-особенному **восхитителен и хорош**»; «*Про товарища. Волны танцуют вальс на камнях и создают **кружевные узоры** для памяти, чтобы помнили и не забывали хорошее слово ТОВАРИЩ... Время было советское, **замечательное**, и нам всем **солнце ярко по утрам светило!**.. Мужиком он был **настоящим** и пытался помочь всем, кто в этом нуждался. Жизнь ушла, но мы его по-прежнему помним, потому что **человеком он был хорошим и очень добрым**, наши товарищ...*» (Завтра. 08.01.2022).*

Прилагательное **плохой** тоже используется в оценочных высказываниях, преимущественно относящихся к зарубежным политическим деятелям, и обретает эмоциональное звучание в эмфатическом контексте: «*Политолог Герман Куликовский: “**Вся эта история с ‘эвакуацией’ части европейских дипломатов из Украины напоминает плохой спектакль**”»; «**Плохой танцор**. Борис Джонсон пошел ва-банк на внутреннем и внешнем направлении»; «*Не устраивать же войну просто потому, что Зеленский **плохой политик!***» (Завтра. 24.01.2022; 27.01.2022).*

Существенная разница в частотности прилагательных в «Российской газете», с одной стороны, и «Новой газете» и «Завтра» — с другой позволяет рассматривать слова **хороший** и **плохой** как своего рода маркеры экспрессивности медиаречи. В эмоционально напряженной авторской публицистике они встречаются значительно реже, чем в текстах

информационного характера и стилистически объективной аналитике. При этом эмоционально насыщенный текст способен как отторгать «холодные» названия, превращать их в показатель чуждого журналисту дискурса, так и принимать их, насыщая дополнительной экспрессией.

Безоценочные экспрессивы *крошечный* и *грандиозный* в рассматриваемых медиаисточниках имеют разное количество вхождений. Возможно, это объясняется разной периодичностью изданий: «Российская газета» выходит ежедневно, «Новая газета» — три раза в неделю, «Завтра» — еженедельное издание. Кроме того, очевидно, что употребительность рассматриваемых прилагательных в публицистическом тексте значительно ниже, чем у лексем *хороший* и *плохой*. Так, определение *грандиозный* в источниках за январь 2022 г. имеет следующую частотность: «Российская газета» — 27 вхождений, «Завтра» — 5, «Новая газета» — 2; *крошечный*: «Российская газета» — 16 вхождений, «Завтра» — 3; «Новая газета» — 1.

Для получения достоверных результатов для изданий «Завтра» и «Новая газета» в сферу анализа включен материал за 2021 г. За весь год в газете «Завтра» отмечено 13 случаев употребления прилагательного *грандиозный* и 8 — слова *крошечный*, в «Новой газете» — 8 и 11 соответственно, то есть общее количество вхождений этих прилагательных в данных изданиях за 2021 и 2022 гг. меньше, чем количество вхождений в «Российской газете» за январь 2022 г.

В «Российской газете» прилагательное *крошечный* может употребляться как безоценочный экспрессив со значением очень малого размера или количества (восемь примеров), а также иметь как положительную (два примера), так и отрицательную оценочную коннотацию (два примера). Семь из 16 вхождений встречаются в научно-популярных текстах. В шести текстах научно-популярной тематики имеет место безоценочное употребление прилагательного: *крошечное, но очень плотное ядро; крошечный бутон, множество крошечных бриллиантов, крошечные кристаллы граната, самый крошечный спутник Сатурна, крошечный комочек*.

В двух случаях можно говорить о наличии контекстуально сформированной положительной коннотации. Первая статья посвящена безопасности и эффективности вакцин от коронавируса: «Врач проанализировал основные мифы о вакцинации против коронавируса»: *«Вакцины содержат крошечные фрагменты болезнетворного микроорганизма или программы для создания этих крошечных фрагментов (так называемый антиген). Они*

также содержат другие ингредиенты, необходимые для обеспечения безопасности и эффективности вакцины» (Российская газета. 04.01.2022). Обратим внимание на то, что слово *крошечный* дважды повторяется в одном предложении. За счет этого акцентируется смысловая цепочка, создающая положительную коннотацию: *крошечный фрагмент — безопасность — эффективность*.

Во второй статье — о новых видах российского вооружения — положительная оценочность прилагательного *крошечный* также формируется контекстуально: «...Такие беспилотники могут быть весьма эффективны для уничтожения вражеской инфраструктуры — в первую очередь, складов с боеприпасами. Крошечные коптеры способны оставаться незамеченными для ПВО и наносить удары внезапно» (Российская газета. 14.01.2022). Положительная оценка создается за счет логической импликации: *крошечные коптеры* — это хорошо, так как именно размер делает их незаметными, а значит, эффективными.

Употребление прилагательного *крошечный* с негативной коннотацией наблюдается в двух разных по тематике контекстах и создается при помощи различных средств и приемов. Так, в одном из контекстов негативную оценочность данное прилагательное приобретает за счет эмоционально-оценочного обобщения (*нелепость*), которое характеризует явление в целом: *«Между тем положение водителя — нелепость: педали крошечные, руль не имеет регулировки положений, а для того, чтобы переключить передачу, нужно иметь гибкость акробата»* (Российская газета. 02.01.2022).

Если в данном случае негативная оценка субъективна (автор описывает свои впечатления, которые необязательно совпадают с мнением других людей), то *крошечный* в значении *не соответствующий установленным нормам* приобретает характер объективированной оценки: *крошечный* — это плохо с точки зрения всего социума. Ср.: *«Поставщик объяснил крошечные порции в школьной столовой Чувашии (заголовок). Фотографии крошечных порций салата, сделанные школьниками, появились накануне в социальных сетях»* (Российская газета. 20.01.2022). Социальная значимость негативной оценки «активируется» через описание реакции официальных органов: *«...отделом образования... в школе проводится внутренняя проверка. ...Если в ходе проверки выявятся нарушения, будут приняты меры прокурорского реагирования»*.

Прилагательное *грандиозный* в «Российской газете» имеет достаточно большое количество вхождений — 27. Однако абсолютно большая часть сло-

воупотреблений (22) встречается не в журналистском тексте, а в прямой речи интервьюируемых лиц или при косвенном цитировании: «Участствовавший в четырех Олимпийских играх **Евгений Плющенко** заявил, что в отличие от чемпионата мира, чемпионата Европы и других соревнований **Олимпийские игры — самое важное и грандиозное спортивное событие в мире** (Российская газета. 28.01.2022); «Шоу расскажет о последствиях **грандиозной битвы** между фантастическими существами, **сообщается на сайте компании**» (Российская газета. 21.01.2022).

В журналистских текстах прилагательное *грандиозный* в трех статьях употребляется как безоценочный экспрессив. Ср.: «**Организаторы в полной мере используют объекты, оставшиеся от летних Олимпийских игр 2008 года, что позволяет значительно сократить расходы и избежать грандиозной стройки в Пекине**» (Российская газета. 17.01.2022).

В двух случаях употребление прилагательного *грандиозный* с положительной коннотацией встречается в юбилейных статьях. Первая посвящена 80-летию артиста балета и педагога Юрия Владимировича, который «**имел грандиозный успех во время зарубежных гастролей Большого театра**» (Российская газета. 01.01.2022). Вторая — Бишкекской детской художественной школе: «**Юбилей учебного заведения отметили грандиозной выставкой**» (Российская газета. 26.01.2022). Очевидно, что положительная коннотация прилагательного *грандиозный* в обоих случаях задана стандартами жанра и соответствующей сочетаемостью.

В газете «**Завтра**» за январь 2022 г. прилагательные *крошечный* и *грандиозный* имеют крайне низкую частотность: три и пять соответственно, за весь 2021 г. — восемь и тринадцать, то есть эти прилагательные используются в данном издании относительно редко.

У прилагательного *крошечный* положительная коннотация присутствует в двух примерах. Данное определение использовано в научно-популярном контексте для описания научно-технического артефакта: «**Теоретически крошечные микроскопические нанороботы можно использовать для сканирования и наблюдения за внутренними органами человека, чтобы выявлять проблемы со здоровьем**» (Завтра. 28.01.2022). Положительная оценка создается за счет импликатуры: маленькое «устройство» обладает большими возможностями и удобно для человека, следовательно, *крошечный* — это хорошо. Плеонастическое сочетание *крошечные микроскопические* призвано усилить

данную импликацию. Аналогичное употребление данного прилагательного есть также в тексте за 2021 г.: «**Вскоре женщины с высокой степенью риска беременности смогут носить крошечную, постоянно работающую электронную “татуировку” для мониторинга состояния плода**» (Завтра. 15.09.2021).

Прилагательное *крошечный* неоднократно применяется как определение по отношению к словам, обозначающим геополитические объекты: *остров, государство, страна* (всего пять примеров: один — за 2022 г. и четыре — за 2021 г.). В трех случаях экспрессив *крошечный* используется для создания смыслового контраста *маленькая страна — большие достижения*. Ср.: «**Создатель Сингапура и его многолетний бессменный руководитель (что, без сомнения, пошло лишь на пользу этому крошечному, но экономически мощному государству и его жителям) Ли Куан Ю писал о Гарварде в 1968 году...**» (Завтра. 17.01.2022); «**Единственным исключением являются крошечные Коста-Рика и Уругвай, в которых есть сильные демократические институты и медианный возраст составляет около 30 лет**» (Завтра. 13.12.2021). В данных контекстах экспрессив *крошечный* усиливает положительную оценку объекта и таким образом участвует в создании позитивной коннотации референта (ср.: *мал да удал, мал золотник да дорог*).

В остальных случаях (восемь примеров) прилагательное *крошечный* используется как безоценочный экспрессив: *крошечный ларек, крошечные различия, крошечные компании* и т. д.

Лексема *грандиозный* употребляется в данном медиаисточнике как с положительной, так и с отрицательной коннотацией. С положительной оценочностью слово используется при обозначении событий и реалий прошлого России и Советского Союза. Ср.: «**Великое историческое достижение СССР — грандиозный научный прорыв, которого достигла страна в послевоенный период**»; «**Русская Победа — это грандиозные, длящиеся веками труды... Бескрайняя Россия — это подарок и время, делающие русский народ самым трудолюбивым народом в мире**» (Завтра. 22.01.2022; 26.01.2022). Положительная оценка в этом случае обеспечивается не только соответствующим контекстом, но и «стилистической традицией»: лексема *грандиозный* входит в словосочетания, представляющие собой клише публицистического стиля советского периода: *грандиозный проект, грандиозный фестиваль, грандиозные планы* и т. п. Традиционно данные клише использовались для характеристики советских реалий и включались

в контекст с положительной оценочностью [13. С. 138].

Негативная оценочная коннотация, поддерживаемая микроконтекстом, наблюдается в тех случаях, когда данное прилагательное относится к современным российским и западным реалиям: «**Грандиозная разводка миллионов людей. 90-е годы сумели прикинуться чем-то “объективным”**»; «...**Фикция, которая маскирует наличие грандиозного пространства тотального Обмена, созданного в эпоху великих перемен, и великого Обмана. По сути, это пространство и есть та реальность, что зовется Рынком**»; «**Каждый день в информационном пространстве всплывает и лопается малый пузырик, порождающий бурю комментариев... противоречащих одно другому, создающих грандиозный вселенский абсурд**»; «**Америка есть грандиозный рынок сбыта, куда закачены¹ активы российских банков и корпораций, где громоздятся их дворцы и виллы**» (Завтра. 19.07.2021; 25.01.2021; 15.01.2022; 20.01.2022). Отрицательная оценочность прилагательного *грандиозный* определяется сочетаемостью с арготической лексемой *разводка* (от *разводить* — «обманывать, стараться обхитрить, лгать с целью обмана») [5. С. 392], с негативизмами *фикция*, *обман*, *абсурд*, *громоздиться* [2].

В газете «Завтра» прилагательное *грандиозный* с положительной оценочной коннотацией неоднократно встречается также в материалах, связанных с культурными реалиями (пять вхождений). Важно отметить, что во всех случаях речь идет о русской культуре: «**Грандиозный фестиваль Мариинского театра в честь юбилейных дней года памяти русского гения Игоря Стравинского** (заголовок); «**грандиозное произведение**» (об оратории «Под стягом Александра», посвященной 800-летию Александра Невского); «**лучшие грандиозные соборы в Византии и на Руси**» (Завтра. 05.04.2021; 13.12.2021; 29.01.2021).

Обращает на себя внимание тот факт, что в данном медиаисточнике употребление прилагательного *грандиозный* с оценочной коннотацией явно преобладает: безоценочных употреблений всего два из 18. При этом позитивная/негативная оценочность прилагательного имеет четкую тенденцию к противопоставлению по двум основаниям: *свой/чужой* и *прошлое/настоящее*, что в полной мере соответствует политической направленности данного издания.

В «**Новой газете**» за 2022 г. единственный пример со словом *крошечный* встречается в прямой

речи интервьюируемого, то есть не относится к собственно журналистскому тексту. Из 11 вхождений за 2021 г. данное прилагательное в журналистской речи встречается девять раз, из них семь примеров — это безоценочное употребление: *крошечный поселок, крошечный городок, крошечный офис, крошечный кабинет* и т. п.

Два примера оценочного употребления аналогичны случаям, которые представлены в «Российской газете». В первом прилагательное *крошотный* приобретает негативную коннотацию за счет контекстуальной семы «неудобный» (см. выше *крошечные педали*). Ср.: «**А возвращаясь к неувловимым реквизитах, скажу: обнаружить их все-таки удалось. ...И только в третьем подразделе раздела “частые вопросы” обнаруживаю крошотный значок NEW в начале строчки с очень мелким шрифтом**» (Новая газета. 26.12.2021).

Второй пример ситуативно также схож с микроконтекстом из «Российской газеты», когда *крошотный* приобретает дополнительное значение *не соответствующий принятым нормам*, то есть негативная оценка объективирована и носит социальный характер. Ср.: «**Что за порции? Покажите норму выхода продуктов, — отнес я на кухню тарелку. На тарелке был крошотный кусочек масла и два папиросных листа ветчины. Прибежала администратор. Вынесли новую тарелку — с большим куском масла и толстыми пластами ветчины. По норме. На другой день в тарелках опять лежали воровские порции**» (Новая газета. 23.04.2021). Однако в отличие от «Российской газеты» в данном случае ситуация представлена через призму личного восприятия журналиста, а социальная негативная оценка прилагательного *крошотный* эксплицирована в словосочетании *воровские порции*.

Прилагательное *грандиозный* за весь период имеет всего девять вхождений (два в 2022 г., семь в 2021 г.). О наличии оценочной коннотации у данного слова можно с уверенностью говорить применительно к пяти случаям употребления. В словосочетании *грандиозный скандал* (два примера) на негативную оценочность указывает определяемое слово, положительная коннотация в словосочетании *грандиозный скачок науки* обусловлена позитивной социальной оценкой явления в целом. В других случаях оценочная коннотация создается за счет различных стилистических приемов и формируется контекстуально.

Особого внимания заслуживает пример, в котором положительная коннотация прилагательного *грандиозный*, изначально заложенная в словосочетании, контекстуально нивелируется и фактически

¹ Орфография оригинала.

превращается в отрицательную: «**Грандиозный успех российской пропагандистской машины** состоялся в конечном счете лишь потому, что, действуя локально, она попала в такт с глобальным запросом на миф» (Новая газета. 13.11.2021). Слово сочетание *грандиозный успех российской пропагандистской машины* представляет собой своеобразный оценочный оксюморон, где *грандиозный успех* имеет исходную положительную оценочность, а *российская пропагандистская машина* — отрицательную. Оценочная импликатура данного фрагмента очевидна: *грандиозный успех российской пропагандистской машины* — это плохо.

Таким образом, у прилагательных *крошечный* и *грандиозный* во всех медиаисточниках можно обнаружить как положительные, так и отрицательные коннотации, которые определяются в зависимости от разных факторов: сочетаемости, использования определенных дискурсивных приемов, «стилистической традиции», которая создает социальную оценку, характера контекста, жанра публикации.

Заключение

В отличие от идеологем с «мерцающей коннотацией» («со смешанным аксиологическим модулем» [8. С. 37], таких как *революция, демократ, либерал*, «стилистические хамелеоны», которыми следует признать «холодные» обозначения эмоций и не имеющие собственной оценочности экспрессивы, представляют собой универсальное лексическое средство. Они могут функционировать в тексте любой идейной направленности и стилистической тональности, причем в равной степени способны как сохранять в речи свою коннотатив-

ную неполноту (оставаясь лишенными экспрессивности или оценочности), так и компенсировать ее за счет контекстуальных семантических приращений. Относительно низкая частотность подобных прилагательных в авторском публицистическом тексте определяется тем, что они не наделены (или наделены лишь в малой степени) собственной выразительностью и способствуют обезличиванию и усреднению оценки. Для наполнения подобных лексем дополнительными эмоционально-экспрессивными оттенками от журналиста требуются определенные дополнительные речевые усилия. В то же время такие слова, как *хороший* и *плохой, крошечный* и *грандиозный*, удобны как средство объективации медиатекста, что определяет, на наш взгляд, не самый высокий, но стабильный «спрос» на них в современных изданиях, существенно различающихся по своим идеологическим и стилистическим характеристикам.

Проведенный анализ представляет собой первый шаг в изучении названных лексических групп и открывает исследовательские перспективы. Они связаны, во-первых, с расширением перечня лексем, в который необходимо включить глаголы — названия эмоциональных состояний (*любить, ненавидеть*), а также обозначения интенсивных действий (*мчаться, ликовать*). Во-вторых, может быть увеличен объем корпуса источников — как при добавлении в него не рассматривавшихся ранее медиа, так и при использовании диахронного подхода к текстам одного СМИ. Все это будет способствовать созданию целостной картины функционирования неэкспрессивных названий эмоций и неэмоциональных экспрессивов в медиатексте и пониманию их места и роли в современной публичной коммуникации.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 130—274.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 12.02.2022).
3. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка: пособие для студентов ун-тов, педвузов и для преподавателей сред. шк. Харьков: Радянська шк., 1935. 305 с.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
5. Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980—1990 гг.) // Грамота.ру. 2002. URL: http://gramota.ru/slovari/argo/53_11498 (дата обращения 12.02.2022).
6. Кронгауз М. А. Семантика. М.: РГГУ, 2001. 399 с.
7. Малевинский С. О., Ахмадзаи С. А. Критериальная оценочность в русской речи. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2016. 394 с.
8. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32—40.

9. Манделъштам И. Е. Об уменьшительных суффиксах в русском языке со стороны их значения // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Июль. С. 34—66.
10. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: МГУП, 2013. 297 с.
11. Марьянич В. А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М.: Либроком, 2013. 272 с.
12. Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова. Семантика. Тематика. Средства выражения. Лексикография. Saarbrücken: Palmarium Acad. Publ., 2013. 173 с.
13. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
14. Никольский Н. Н. Учебное пособие по стилистике и литературному редактированию. Вып. 1. М.: Высш. парт. шк., 1954. 95 с.
15. Петрищева Е. Ф. Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. С. 39—50.
16. Солганик Г. Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2003. С. 312—315.
17. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 142 с.
18. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 1999. 165 с.

References

1. Arutyunova ND. Ocenka v mehanizmaxh zhizni i iazyka = Evaluation in the mechanisms of life and language. In: Arutyunova ND. Iazyk i mir cheloveka = Language and the human world. Moscow; 1999. Pp. 130—274. (In Russ.).
2. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo iazyka = Large explanatory dictionary of the Russian language. Available from: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (In Russ.).
3. Bulahovskij LA. Kurs russkogo literaturnogo iazyka = Russian Literary Language course. Kharkov; 1935. 305 p. (In Russ.).
4. Vol'f EM. Funkcional'naya semantika ocenki = Functional semantics of evaluation. Moscow: Nauka; 1985. 228 p. (In Russ.).
5. Elistratov VS. Slovar' russkogo argo (materialy 1980—1990 gg.) = Dictionary of Russian argot. 2002. Available from: http://gramota.ru/slovari/argo/53_11498 (In Russ.).
6. Krongauz MA. Semantika = Semantics. Moscow: RSUH; 2001. 399 p. (In Russ.).
7. Malevinskij SO, Ahmadzai SA. Kriterial'naya ocenchnost' v russkoy rechi = Criteria-based evaluation in Russian speech. Krasnodar; 2016. 394 p. (In Russ.).
8. Malysheva EG. Ideologem as lingo-cognitive phenomenon: definition and classification. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*. 2009;(4):32-40. (In Russ.).
9. Mandel'shtam IE. About diminutive suffixes in Russian from the point of view of their meaning. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya = Journal of the Ministry of Public Education*. 1903(July):34-66. (In Russ.).
10. Markelova TV. Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya ocenki v russkom iazyke = Pragmatics and semantics of evaluation means in the Russian language. Moscow; 2013. 297 p. (In Russ.).
11. Mar'yanchik VA. Aksiologichnost' i ocenchnost' media-politicheskogo teksta = Axiological and evaluative nature of the media-political text. Moscow: Librokom; 2013. 272 p. (In Russ.).
12. Matveeva TV. Ekspressivnost' russkogo slova. Semantika. Tematika. Sredstva vyrazheniya. Leksikografiya = Expressiveness of the Russian word. Semantics. Subject matter. Means of expression. Lexicography. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing; 2013. 173 p. (In Russ.).
13. Mokienko VM, Nikitina TG. Tolkovyy slovar' iazyka Sovdepia = Explanatory dictionary of the language of Sovdepia. St. Petersburg: Folio-Press; 1998. 704 p. (In Russ.).
14. Nikol'skij NN. Uchebnoe posobie po stilistike i literaturnomu redaktirovaniyu = Textbook on stylistics and literary editing. Moscow; 1954. 95 p. (In Russ.).
15. Petrishcheva EF. Ob emotcional'noy okrashennosti slov v sovremennom russkom iazyke = About the emotional coloring of words in modern Russian. In: *Razvitie leksiki sovremennogo russkogo iazyka =*

Development of the vocabulary of the modern Russian language. Moscow: Nauka; 1965. Pp. 39—50. (In Russ.).

16. Solganik GYa. Publitsisticheskiy stil` = Journalistic style. In: Stilisticheskiy entciclopedicheskiy slovar` = Stylistic encyclopedic dictionary. Moscow: Flinta; 2003. Pp. 312—315. (In Russ.).

17. Teliya VN. Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinitc = Connotative aspect of the semantics of nominative units. Moscow: Nauka. 1986. 142 p. (In Russ.).

18. Tripol'skaya TA. Emotivno-ocenochnyy diskurs: kognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty = Emotive-evaluative discourse: cognitive and pragmatic aspects aspekty. Novosibirsk; 1999. 165 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. Н. Басовская — доктор филологических наук, доцент, завкафедрой медиаречи.

Т. А. Воронцова — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the authors

Evgenia N. Basovskaya — Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of Department of Media Speech, Russian State University for the Humanities.

Tatyana A. Vorontsova — Dr. Sci. (Philology), Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Chelyabinsk State University.

Статья поступила в редакцию 20.02.2022; одобрена после рецензирования 19.03.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 20.02.2022; approved after reviewing 19.03.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.